

Рк Т5
Е94

ЕЦИНСКИЙ С.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ В
ПОДОЛИИ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ ПРОШЛОГО ВЕКА.

К., 1891.

+

КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

Шифр Т5 Е94 Инв. № 2410433

Автор Ешнський С.

Назва Семейная жизнь в Педо-
лии в первой половине прошл. века.

Місце, рік видання К., 1891.

Кіл-ть стор. 12 с.

- " - окр. листів _____

- " - Ілюстрацій _____

- " - карт _____

- " - схем _____

Том _____ частина _____ вип. _____

Конвюлт _____

Примітка:

Тур

Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка.

Извѣстно, что въ XVI—XVII вѣкахъ въ южнорусскихъ земляхъ Литвы и Польши существовалъ особый взглядъ на бракъ. Тамъ господствовали идеи брака, который называютъ теперь гражданскимъ: нотаріальный договоръ имѣлъ значеніе такое же, какъ и благословеніе церкви, расторженіе браковъ происходило легко и часто; для этого достаточно было взаимнаго согласія супруговъ и подтвержденія ихъ согласія гражданскою властью, которая давала имъ „распустные листы“, или же сами супруги давали другъ другу подобныя удостовѣренія, предоставлявшія имъ право вступить въ другой бракъ.

Причину подобныхъ явленій тогдашней жизни, противорѣчащихъ праву церковному, нѣкоторые указываютъ во вліяніи реформатскаго ученія или въ соціальныхъ условіяхъ тогдашней жизни (Ор. Левицкій, О семейныхъ обычаяхъ въ юго-зап. Руси, „Русск. Стар.“ 1880, ноябрь). Проф. Владимірскій-Будановъ, въ ст. „Черты семейнаго права западной Россіи“, (въ 4-й книгѣ „Чтеній истор. общества Нестора Лѣтописца“) считаетъ такія аномальныя явленія остаткомъ обычнаго права, существовавшаго на Руси во времена язычества. „Ни въ какой области права, говоритъ профессоръ, обычаи не оказались столь жизненными и живучими, какъ именно въ семейной сферѣ; не только въ прежніе долгіе вѣка по принятіи христіанства дохристіанскіе обычаи не поддавались истребленію, но живутъ и въ наши дни въ формѣ семейныхъ обрядовъ, которые предста-

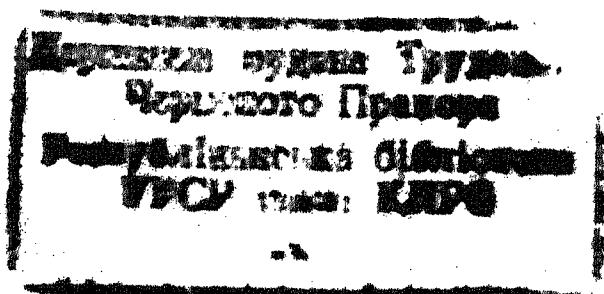
влияютъ замѣчательно вѣрно сохранившійся памятникъ времени язычества“ (стр. 42).

Конечно, церковь всегда старалась устранить все, противорѣчащее духу христіанства въ области семейнаго права. Въ представленныхъ проф. В.-Будановымъ фактахъ видна эта борьба церкви и закона съ вѣковымъ обычнымъ правомъ. И уже въ XVI в. въ культурныхъ центрахъ западной Россіи видна регламентація семейнаго права въ духѣ христіанства; но чѣмъ дальше отъ центровъ умственной жизни тогдашняго общества, тѣмъ больше господствуетъ прежнее языческое право. [Такъ, въ томъ же XVI в. въ Подоліи, въ украинныхъ повѣтахъ (барскомъ и каменецкомъ), по свидѣтельству описей (люстрацій) государственныхъ имуществъ, существовали такіе государственные доходы: 1) *поемцизна*, что сами чиновники—люстраторы объясняютъ такъ: „когда который человекъ обычаемъ пограничнымъ самовольнымъ возметъ себѣ чью дѣвку или вдову или разведенную въ качествѣ жены и съ нею желаетъ жить, тогда даетъ три гривны на замокъ“; 2) *разводы*,—„когда кто хочетъ жену отпустить или жена мужа, то тотъ кто причиненъ (т. е. кто требуетъ того) даетъ три гривны“, и наконецъ 3) *кунна*,—„когда кто благопристойно (законно—„statecznie“) беретъ дѣвку замужъ въ частно-владѣльческое село (изъ казеннаго), то, по принятому обычаю той краины, даетъ подарокъ въ пользу замка“,—но послѣдній доходъ, по замѣчанію люстраторовъ, наименѣе значительный (тамъ-же стр. 44—45).

Таковы были черты семейнаго права въ XVI в. не только въ Подоліи, но во всей Руси Литовской.

Затѣмъ вышеуказанный взглядъ на бракъ къ началу XVIII вѣка почти исчезъ вездѣ, кромѣ Подоліи.

Въ этой же мѣстности, вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій края, обычное семейное право, господствовавшее здѣсь въ XVI вѣкѣ, существовало еще и въ половинѣ XVIII вѣка, хотя отчасти въ измѣненномъ видѣ. Лишенное какой бы то ни было регламентаціи и совершенно отрицаемое церковнымъ и гражданскимъ законодательствомъ, оно порождало настоящее безладье въ семейной жизни народа, и духовнымъ властямъ

пришлось вести упорную борьбу съ ненормальностями въ области семейныхъ отношеній того времени.

Въ нашемъ пользованіи были три тома декретовъ каменецкой уніатской консисторіи, обнимающіе время съ 1737 по 1754 г. Книги эти принадлежатъ архиву Подольскаго епархіального историко-статистическаго комитета. При чтеніи этихъ декретовъ поражаетъ масса дѣлъ о незаконныхъ бракахъ,—изъ 1000 слишкомъ прочитанныхъ нами декретовъ, почти 10-я часть ихъ занята дѣлами подобнаго рода: или священникъ привлекается въ судъ за обвинчаніе двое-и трое-женца или двое-и троемужней женщины, или привлекаются въ судъ сами эти лица, вступившія въ такіе незаконные браки, или вторая жена жадуется суду, что мужъ покинулъ ее и живетъ съ первой своей женой, и т. п. дѣла. Настоящая статья и составлена на основаніи матеріаловъ, заимствованныхъ нами изъ указанныхъ консисторскихъ декретовъ.

Причинами подобныхъ явленій въ Подоліи въ первой половинѣ XVIII вѣка были: 1, хаотическое состояніе страны въ предшествовавшей періодъ, въ эпоху козацко-шляхетскихъ войнъ и турецкаго владычества, а также соціально-политическія условія народной жизни въ Подоліи въ первой половинѣ XVIII в. и 2, вліяніе магометанъ, господствовавшихъ въ Подоліи болѣе четверти вѣка (съ 1672 по 1699 гг.) и затѣмъ въ XVIII в. жившихъ по сосѣдству съ Подоліей, въ Бессарабіи.

Извѣстно, что еще съ половины XVII вѣка началось движеніе подольскаго народа на востокъ, за Днѣпръ. Турецкое занятіе края усилило это движеніе: народъ сталъ двигаться не только на востокъ, но и на западъ, и на сѣверъ. Къ концу владычества турокъ, Подолія сильно обезлюдѣла. Многія села и мѣстечки стояли въ развалинахъ. Незначительная только часть населенія пряталась по горамъ, ущельямъ и пещерамъ днѣстровскаго бассейна, по лѣсамъ, болотамъ и камышамъ прибугскихъ равнинъ. Но вотъ, съ выходомъ турокъ изъ Подоліи, сталъ возвращаться народъ на свои родныя пепелища. По брачнымъ дѣламъ въ указанныхъ выше декретахъ консисторіи можно прослѣдить, откуда въ то время двигался народъ въ Подолію:

движется онъ съ востока, изъ Украйны и Брацлавщины, изъ за Кальника и Тульчина, движется съ запада—изъ Угорщины, Покутья и Подгорья, движется, наконецъ, и съ сѣвера—Полѣсья.

Польское правительство, занявъ Подолію, принялось регулировать внутреннюю жизнь страны, но не всегда удачно, и это породило массу внутреннихъ безпорядковъ. Такъ, простой народъ сталъ селиться на слободахъ польскихъ землевладѣльцевъ; послѣдніе, для привлеченія къ себѣ рабочихъ рукъ, предоставляютъ поселенцамъ извѣстныя льготы на извѣстный срокъ. По прошествіи срока паны требуютъ исполненія условій—повиновенія, притѣсняють крестьянъ, вслѣдствіе чего происходитъ нарушеніе обязательствъ съ обѣихъ сторонъ. Народъ протестуетъ или массами — посредствомъ возстаній (таковы возстанія 1702, 1734, 1750 и 1768 гг.), или же въ одиночку—посредствомъ побѣговъ отъ одного землевладѣльца къ другому, чему иногда сами землевладѣльцы способствовали, приманивая къ себѣ переселенцевъ. Народъ, привывши бродяжничать въ эпоху „руины“ продолжаетъ бродяжничать и теперь, въ первой половинѣ XVIII в.

И вотъ крестьянинъ, ушедшій изъ Подоліи въ чужіе края и успѣвшій тамъ жениться, при первой возможности идетъ на свою покинутую родину, не особенно беспокоясь о томъ, идетъ ли съ нимъ его жена, или остается на своей родинѣ. Если только жена не сопровождаетъ его, онъ на новомъ мѣстѣ женится на другой, не особенно заботясь также о томъ, благословила ли его бракъ церковь, или нѣтъ. Затѣмъ, если ему на новомъ мѣстѣ не живется, онъ, увлекаемый жаждой лучшей доли, а иногда и привычкой къ бродяжничеству, переходитъ въ третье мѣсто и тамъ опять женится. Такихъ переходовъ и женитьбъ онъ могъ сдѣлать нѣсколько. Тоже дѣлають и женщины: онѣ переходятъ отъ одного мужа (находящагося въ живыхъ) къ другому, отъ другого къ третьему.

И нужно сказать, что при такомъ положеніи вещей трудно было тогдашнимъ властямъ—духовнымъ и гражданскимъ—контролировать заключеніе браковъ. При вѣчныхъ переходахъ и бродяжничествѣ народа нельзя было знать, гдѣ находится то или другое лицо. Народныя возстанія и ихъ усмиренія, а также

свирѣпствовавшія тогда моровыя повѣтрія (какъ въ зиму 1737—1738 гг.) уничтожали людей безъ счета, много пропадало ихъ безъ вѣсти, и никакими документами и свидѣтельскими показаніями нельзя было доказать смерть того или другого человѣка—супруга. Часто лицо, потерявшее супруга и желавшее вступить въ новое супружество, для доказательства своей правоспособности, должно было посылать довѣренныхъ лицъ за нѣсколько сотъ и даже тысячъ верстъ, чтобы найти какіе нибудь слѣды смерти или гибели супруга, но весьма рѣдко посылаемые находили требуемыя свѣдѣнія.

Нужно прибавить къ этому, что въ началѣ прошлаго вѣка и метрическія книги не всегда велись въ приходахъ; въ ревизіяхъ („визитахъ“) подольскихъ церквей прошлаго вѣка весьма часто находимъ настоятельныя требованія визитаторовъ, чтобы parroхи вели метрическія книги; только съ третьяго десятилѣтія прошлаго вѣка метрическія книги являются въ большей части приходовъ (въ то время уніатскихъ).

И по необходимости мужъ или жена, при продолжительной отлучкѣ своего „подружья“, вступаетъ въ новое супружество, но чрезъ нѣсколько времени (иногда чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ) является мнимо умершій и начинается процессъ, обыкновенно оканчивающійся расторженіемъ послѣдняго брака.

Но если были случаи, вытекавшіе изъ необходимости выйти изъ затруднительнаго положенія, то еще больше было такихъ, что совершались въ силу установившагося обычая. Здѣсь могли имѣть мѣсто преданія XVI и XVII вѣка, которыя находили поддержку для своего существованія въ соціальномъ бытѣ народа.

Въ XVIII в. въ Подоли находимъ то, что было въ XVI вѣкѣ въ другихъ южно-русскихъ земляхъ Литвы и Польши.

Такъ, въ консисторскихъ декретахъ прошлаго вѣка встрѣчаемъ, что иногда супруги расходились по взаимному согласію, и ихъ согласіе оформлялось выдачей другъ другу „разводныхъ листовъ“, и затѣмъ такія лица вступали въ другія супружества. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1744 году было возбуждено дѣло противъ священника (пароха) с. Карповецъ, обвинявшагося въ совершеніи незаконнаго брака. Изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось: пономарь меджибожской Успенской церкви Иванъ Лось назадъ тому 30 лѣтъ женился на какой-то Ксеніи, но найдя себя физически неспособнымъ къ супружеской жизни, отпустилъ жену, послѣ чего она вышла замужъ за другаго, который чрезъ 16 лѣтъ „во время инкурсіи“ убитъ російскими войсками, а послѣ его смерти Ксенія опять вышла замужъ и жила съ третьимъ мужемъ въ с. Книжповцахъ. Духовный судъ не призналъ послѣдняго брака законнымъ и присудилъ возвратить Ксенію къ первому мужу—меджибожскому пономарю.

Въ 1738 г. инстигаторъ (прокуроръ) духовнаго суда привлекъ къ отвѣтственности уроженнаго Василя Корницкаго, жителя с. Дьяковецъ, за то, что онъ въ супружество взялъ Анну, чужую жену и, забывши страхъ Божій, жилъ съ ней незаконно. Корницкій оправдывался на судѣ тѣмъ, что его жена дѣйствительно сначала вышла было замужъ за Попеля, будучи къ этому приневолена,—и хотя считалась его женой пять лѣтъ, но съ нимъ супружески не жила, и въ 1728 г., по взаимному согласію ея и мужа ея Попеля, „была квитована скриптомъ“ (*kwitowana z przyznani skriptem*), который и представленъ Корницкимъ въ судъ; затѣмъ, изъ дальнѣйшаго разбора оказалось, что Анна вышла замужъ за дьячка Занькевича и, поживши съ нимъ годъ, осталась вдовой и тогда уже, будучи вдовой, сочеталась бракомъ въ третій разъ съ Корницкимъ.—Судъ призналъ послѣдній бракъ незаконнымъ и опредѣлилъ расторгнуть его.

Или еще фактъ. Крестьянка с. Вихровецъ, бывшая замужемъ за Θεодоромъ, получила отъ мужа бумагу (*karte*), освобождающую ее отъ супружества съ нимъ и позволяющую ей выйти замужъ за другаго, и дѣйствительно вышла за Петра, жителя также вихровецкаго. При дачѣ Θεодоромъ разводнаго листа присутствовалъ и парохъ (священникъ) вихровецкій, который затѣмъ совершалъ и бракосочетаніе этой крестьянки съ Петромъ, за что (въ 1741 г.) былъ наказанъ „трехнедѣльной реколлекціей въ каедрѣ съ дисциплиной при двухъ „*Miserere*

теі“¹⁾, штрафомъ въ 20 гривенъ и отрѣшеніемъ отъ священнодѣйствій на три четверти года“.

Но не всегда разводъ оформливался дачей разводныхъ листовъ, чаще всего просто расходились и вступали въ новый бракъ безъ всякихъ формальностей на бумагѣ.

И народъ такъ сжился съ такими явленіями, что явный двоеженецъ нисколько не стѣснялся своимъ положеніемъ. Такъ, мы находимъ, что крестьянинъ, имѣя жену и дѣтей въ подольскомъ селѣ (въ Балинѣ, камен. у.) ушелъ на Украину, тамъ женился на другой, привелъ эту вторую жену въ свое родное село, гдѣ была его первая жена, и жилъ тамъ съ этой новой женой (1739 г.) Или такой фактъ: Агафья, дочь Сугака, мѣщанина чернковскаго, обывателька каменецкая, заявляетъ въ 1753 г. въ консисторіи претензію на своего мужа, что онъ оставилъ ее и живетъ съ своей первой женой въ с. Ходоровцахъ, по какой жалобѣ судья позволилъ Агафѣ вступить въ другой бракъ.

Конечно, въ декреты внесены только тѣ случаи, когда совершенъ былъ незаконно бракъ священникомъ съ записью въ метрики, что подавало поводъ къ процессу. А сколько было случаевъ, когда не было поводовъ привлекать къ суду!

Если подобное безладье въ дѣлѣ совершенія браковъ поддерживалось въ Подоліи, благодаря хаотическому состоянію страны въ гражданскомъ отношеніи, то нужно сказать, что этому безладью не мало способствовали и неурядицы въ церковной жизни. Религіозныя смуты въ Подоліи, вызванныя введеніемъ уніи въ началѣ XVIII в. и стараніемъ польскаго правительства сблизить обрядъ русской церкви съ латинскою, приводили къ тому, что крестьяне украдкой переправлялись чрезъ Днѣстръ въ Волощину и тамъ получали благословеніе браковъ отъ православныхъ молдавскихъ священниковъ. Конечно, этимъ средствомъ часто пользовались тѣ, кто хотѣлъ вступить въ незаконный бракъ. Такихъ незаконныхъ браковъ, совершенныхъ на Волощинѣ, встрѣчается въ декретахъ очень много.

¹⁾ Т. е. въ теченіе двукратнаго чтенія псалма „Помилуй мя Боже“

Кромѣ того существовало и другое болѣе удобное средство получить благословеніе незаконнаго брака. Въ то время въ Подоліи и Брацлавщинѣ было очень много праздношатающихся священниковъ. Такіе священники были большею частью если не родомъ изъ Волощины, то получали тамъ рукоположеніе; были между ними и мнимые священники — искатели приключеній и наживы, выдававшіе себя за священниковъ и желавшіе въ мутной водѣ ловить рыбу.

Эти праздношатающіеся священники за вознагражденіе охотно благословляли незаконные браки, часто безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей и церковныхъ требованій— безъ оглашенія, въ простой хатѣ, или даже гдѣ нибудь въ полѣ, безъ свидѣтелей, ночью. Такъ, въ 1742 г. декретомъ консисторіи былъ расторгнутъ совершенный назадъ тому лѣтъ 12 бракъ какого-то крестьянина Стефана съ Ксеніей, такъ какъ оказалось, что Ксенія имѣетъ другого мужа въ живыхъ, а вѣнчалъ ихъ (Стефана и Ксенію) какой-то бродяга (włoszeга) подъ селомъ Балакирами. Урож. Комарницкій, житель с. Тарновы Подлѣской, при жизни своей первой жены женился на другой въ Зиньковѣ и бракъ былъ совершенъ въ хатѣ безъ оглашеній какимъ-то бродягой, о которомъ консисторія сомнѣвалась, былъ ли онъ духовнымъ лицомъ (1746 г.). Въ 1752 г. однимъ декретомъ было расторгнуто четыре брака крестьянъ сс. Сказинець, Савинець, Франовки и Шидловець; эти браки были совершены въ Лисоводахъ праздношатающимся пресвитеромъ, называвшимъ себя Мастыкашею.

Какъ мы сказали раньше, этой всеобщей распущенности нравовъ подольскаго народа способствовала, кромѣ хаотическаго состоянія страны, еще одна, можетъ быть даже главная, причина — это вліяніе магометанства. 27-лѣтнее господство въ странѣ турокъ во второй половинѣ XVII в. должно было оставить свои слѣды; да и въ XVIII в. магометане жили въ смежности съ Подоліей, только Днѣстръ отдѣлялъ ихъ отъ подолянъ: въ Хотинѣ были турецкія войска, во многихъ мѣстахъ за Днѣстромъ землевладѣльцами были турки, у которыхъ подольскіе крестьяне служили работниками, приходили косить сѣно,

жать пшеницу и т. п., какъ это видно изъ декретовъ консисторіи.

Во время господства въ Подоліи турокъ было много случаевъ принятія магометанства христіанами, много было такъ называемыхъ „потурнаковъ“ какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ среды поляковъ-шляхтичей. И послѣ, въ XVIII в., были случаи совращенія въ магометанство. Такъ, въ 1745 г. жительница с. Нѣгина Маріанна, желающая вступить въ бракъ, представила въ уніатскую консисторію показанія нѣкоего жителя Чернокозинець, данныя имъ католической каменецкой консисторіи, слѣдующаго содержанія: „мужъ Маріанны служилъ въ Готушаняхъ, на Волощинѣ, у липка (татарина) Гордзики, будучи уже бусурманиномъ; когда онъ безнадежно заболѣлъ и увидѣлъ близкую свою смерть, то часто говорилъ о своей женѣ Маріаннѣ, оставшейся въ Подольѣ, сожалѣлъ, что сдѣлался бусурманиномъ;—это меня Богъ наказываетъ за то, что я отступилъ отъ св. вѣры—говорилъ онъ“.

Въ 1752 г. въ консисторскій судъ были привлечены два крестьянина—одинъ изъ с. Цвикловецъ, другой изъ с. Тутновець за то, что „они, забывши страхъ Божій и любовь къ ближнему, способствовали побѣгу дезертира изъ Каменецкой крѣпости, переправили его чрезъ Днѣстръ и отдали въ услуженіе турку въ Хотинѣ, гдѣ онъ отрекся отъ христіанской вѣры, и они тѣмъ самымъ были причиной его отреченія и гибели его души.“

Если были факты совращенія жителей Подоліи въ магометанскую религію, то нельзя не допустить, что магометанство вліяло и на семейную жизнь христіанскаго населенія Подоліи. Сейчасъ за Днѣстромъ, въ Хотинѣ, паши и аги держали многолюдныя гаремы, наполняемые обыкновенно женщинами с подольскаго берега. Часто подольскія женщины изъ крестьянокъ и мѣщанокъ принимали магометанство, жили съ турками за Днѣстромъ, а потомъ возвращались въ Подолье. Такъ, жена мѣщанина г. Могилева, „по дѣвольскому навожденію и подущенію“ турка Измаила въ с. Кишновѣ, въ предѣлахъ валахійскихъ, измѣнила вѣрѣ, а потомъ возвратилась въ Могилевъ и стала опять жить съ первымъ своимъ мужемъ (1744 г.). Какая-то

обывателька Дзвиняцкая просить консисторію разрѣшить ей вступить въ бракъ (1747 г.); изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось, что она замужемъ не была, а только 5 лѣтъ жила на Волошской сторонѣ съ турчиномъ, за что въ наказаніе было назначено ей: купить 2 двухфунтовыхъ свѣчи въ приходскую церковь, лежать крестомъ три литургіи, а для тѣлеснаго наказанія отправлена въ панскій дворъ;—тѣмъ не менѣе вступленіе въ бракъ ей позволено. Въ одномъ дѣлѣ 1747 г. указывается, что жены двухъ крестьянъ с. Браги (надъ Днѣстромъ) также жили съ турчинами въ Хотинѣ.

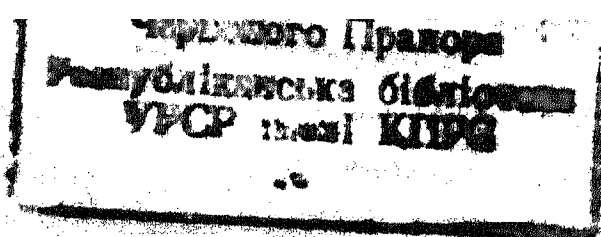
Многіе изъ такихъ женщинъ добровольно дѣлались женами турокъ, поступали въ гаремы; иногда же это дѣлалось противъ ихъ воли: татары, жившіе въ Волощинѣ, такъ называемые липки часто дѣлали набѣги на приднѣстровскія села и уводили красивыхъ, молодыхъ женщинъ, которыя поступали въ гаремы не только ханскихъ пашей, но даже цареградскихъ визирей и султановъ. Поднѣстровье всегда славилось красивыми женщинами. Вообще, нужно сказать, земли украинскія, еще съ XVI в., пополняли гаремы цареградскіе и крымскіе. Въ XVI—XVII в. „смуглыя худощавыя черкешенки, говоритъ д-ръ Антоній І. вышли изъ моды, славянскіе блондинки имѣли предъ ними преимущество; для ханскихъ гаремовъ искали бранокъ (плѣнницъ надъ Днѣпромъ, а для султановъ самыми привлекательными были красавицы изъ — надъ Днѣстра. Поразительная была красота тамошнихъ женщинъ, даже принадлежавшихъ къ самому низшему классу народа: высокія, съ правильными чертами лица тѣло стройное, движенія гармоничныя, волосы бѣлорусые мягкіе, густые и длинныя, очи свѣтлыя — и не голубыя, и не зеленныя, что-то среднее между сапфиромъ и изумрудомъ, съ сильнымъ блескомъ; въ нихъ была видна рѣзвость кошки и полное слезъ смущеніе серны“. Такъ описываетъ д-ръ Антоній поднѣстровскихъ женщинъ, заимствуя краски изъ записокъ какого-то армянина XVII—XVIII в. (Dr. Antoni I., Nowe opowiadania historyczne, — въ разсказѣ подъ заглавіемъ: „Losy królewskiego miasteczka“, стр. 99—100).

Женщина, взятая въ турецкій гаремъ, если это было не далеко отъ Подоліи, напр. въ Хотинѣ, жила тамъ до тѣхъ поръ, пока ей жилось хорошо; если же ей было плохо, и она госковала въ неволѣ, то уходила оттуда тайно или старалась освободиться отъ неволи законнымъ порядкомъ. Такъ въ „Архивѣ Ю.-З. Р.“ (ч. V т. 1 стр. 271) находимъ слѣдующій фактъ. Жена какого-то мѣрочника (мельника) изъ Карвасаръ, предмѣстья Каменца, Анна бросила мужа своего и жила преступно, а когда была наказана розгами, ушла въ Хотинъ, приняла магометанство и сдѣлалась женой нѣкоего турка Кольфа, жителя хотинскаго, но жила съ нимъ недолго, чрезъ двѣ недѣли забрала у турка мѣшочекъ съ левами, кунтушъ кармазиновый французскаго сукна, шафтанъ зеленый, два платка, шелковый и бумажный, и ушла въ Исаковцы. Но за такой поступокъ она жестоко поплатилась: судъ, для пресѣченія подобнаго своеволія, присудилъ эту крестьянку къ смертной казни чрезъ усѣченіе головы на рынкѣ, во время ярмарки.

Но бывали случаи, что подобные побѣги сходили благополучно. Иногда же плѣнницы гаремовъ достигали свободы законнымъ путемъ. Плѣнница присылала жалобу къ каменецкому коменданту съ просьбой освободить ее отъ заключенія. Жалобу эту нужно было посылать крайне осторожно, втихомолку и чрезъ вѣрныя руки, потому что такая жалоба, перехваченная на дорогѣ турецкой властью, была смертнымъ приговоромъ для жалобщицы:—зашитая въ мѣшокъ, какъ невѣрная жена право-вѣрнаго мусульманина, она шла на дно Днѣстра. Въ декретахъ встрѣчаемъ подобные случаи. Если же просьба доходила до каменецкаго коменданта, онъ оффиціально требовалъ отдачи плѣнницы, и турки отдавали ее.

Такія женщины, возвращавшіяся изъ гаремовъ къ прежнимъ своимъ домашнимъ очагамъ, безъ сомнѣнія не приносили сюда убѣжденій высокой нравственности и скромности, у турокъ этому онѣ не могли научиться (Dr. Antoni. I., Zam. Pod. na kresach multan. I, 242,—изд. 2-ое).

Такова была семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Такою она представляется при чтеніи

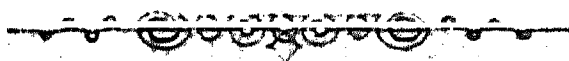

0-05

ч / 08

вышеуказанныхъ декретовъ каменецкой униатской консисторіи прошлаго вѣка. И католическій каменецкій епископъ Страковский (1739—1742 г.), во время своей генеральной ревизіи приходскихъ костеловъ Подолін, нашелъ семейную жизнь своей паствы весьма неудовлетворительной. „Брачные союзы, говоритъ онъ въ одномъ эдиктѣ, совершенно не уважались: мужья безъ всякой нужды, по одной прихоти, разводились съ тремя женами и женились на четвертой; многоженство было обыкновеннымъ явленіемъ; жены изъ одной прихоти самовольно бросали мужей и мужья женъ и, какъ бы въ ветхомъ заветѣ, мужья разводились съ своими женами *per libellum hereditii*, съ взаимнымъ позволеніемъ другъ другу вступить въ другой бракъ; жены съ чужими мужьями жили „на вѣру“, или вѣриѣ „безъ вѣры и противъ вѣры“, о чемъ мы, замѣчаетъ епископъ, достаточно наслышались съ тяжелой болью въ сердцѣ во время генеральной визиты. (Симашкевичъ, Р. католичество и его іерархія въ Подолін, Кам.-Под. 1872, стр. 337.)

Е. С. Визитация

Р
ки

Дополнено ценз. Кіевъ, 16-го мая 1891 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.

1157
22

